

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 171–180. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 171–180. ISSN 1998-0817

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научная статья

УДК 341.3

EDN WZUQZW

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-171-180>

ПРАВОПОНИМАНИЕ ЗАКОННОСТИ ОБСТРЕЛОВ АТОМНЫХ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Метельков Александр Николаевич, кандидат юридических наук, Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, Санкт-Петербург, Россия, metelkov5178@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6113-8981>

Аннотация. В 2022 году актуальность обстрелов атомных электростанций и нападений на них впервые стала чрезвычайно опасной реальностью. Целью статьи является теоретико-правовой анализ санкционированных государством обстрелов атомных электростанций, реально угрожающих международному миру и безопасности, государству и обществу на основе толкования источников позитивного права. Угрозы ядерной катастрофы, возникающие вследствие вооруженных действий и террористической деятельности, подрывают государственную, общественную и радиационную безопасность, создают опасность нанесения ущерба окружающей среде. В период обострения глобального противостояния, в эпицентре которого оказалась Россия, актуально углубление правового содержания противодействия ядерному терроризму для теоретического обоснования выработки государственно-правовых ограничительных мер по правовому регулированию применения военных действий в отношении атомных электростанций или вблизи них ввиду опасности возбуждения разрушительных ядерных сил и радиационного заражения людей и загрязнения территорий. Выработка правовых норм, ограничивающих военную и диверсионно-террористическую деятельность государств в отношении ядерных объектов на международном и национальном уровнях, позволит минимизировать угрозы ядерной и радиационной безопасности.

Ключевые слова: ядерный терроризм, государство, право, регулирование, теория систематизации законодательства, угрозы, риск, радиационные последствия.

Для цитирования: Метельков А.Н. Правопонимание законности обстрелов атомных электростанций в современной юридической науке // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 171–180. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-171-180>

Research Article

UNDERSTANDING THE LEGALITY OF NUCLEAR FACILITY SHELLING IN CONTEMPORARY LEGAL SCHOLARSHIP

Alexander N. Metelkov, Candidate of Law, St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after the Hero of the Russian Federation, General of the Army E.N. Zinichev, St. Petersburg, Russia, e-mail metelkov5178@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6113-8981>

Annotation. The potential for shelling and attacking nuclear power plants for the first time became an extremely dangerous reality in 2022. What is the purpose of this article, is legal-theoretical analysis of nuclear power plants shelling that would be state-sanctioned and unequivocally threaten world peace and global security, as well as the state and society; it is an analysis based on an interpretation of the sources of positive law. The threats of nuclear catastrophe, which may result from warfare and terrorist acts, loom over the state, society and the planet's radiation balance, creating the potential for environmental damage. At a time of escalating global confrontation with Russia, deepening the legal content of counter-nuclear terrorism to theorise and develop state-legal restrictive measures to legally limit military activities at nuclear power plants or in their immediate vicinity is relevant because of the danger of releasing destructive nuclear forces, radioactive contamination of people and territorial pollution. Developing legal norms that would limit military and subversive-terrorist activities of certain states in relation to nuclear facilities at the international and national levels would minimise threats to nuclear and radiation safety.

Keywords: nuclear terrorism, state, law, regulation, legislation systematisation theory, threats, risk, radiation consequences.

For citation: Metelkov A.N. Understanding the legality of nuclear facility shelling in contemporary legal scholarship. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 1, pp. 171–180. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-171-180>

Введение. XXI век стал свидетелем серьезных вызовов традиционному мнению, что международное гуманитарное право регулирует применение силы в вооруженных конфликтах [Watkin: 1], в которых обеспечение безопасности ядерных объектов – это проблема не одного государственного органа, государства, а всех стран мира.

Системный анализ деятельности государства с точки зрения его внешних и внутренних связей, необходимых для его функционирования в виде целостного образования, требует учитывать и «системоразрушающие связи, подрывающие, а в некоторых случаях даже разрушающие целостность государства» [Марченко: 83].

В условиях глобальных угроз ядерного терроризма многое зависит от правовых оснований, правопонимания и правового алгоритма принятия государствами и государственными органами решений, затрагивающих судьбы миллионов людей. Структурная обособленность государственных органов от других органов государства и общественных институтов выражается в возможности выступать самостоятельным субъектом в «правоотношениях и в пределах компетенции принимать решения, не нуждающиеся в каком-либо... одобрении другими органами» [Сырых: 31]. Технологические и экологические риски «могут порождать эколого-правовые риски» [Кичигин: 141]. Связанность государства правом делает насущной для лиц, принимающих такие решения, задачу соединения «гуманизма и политики» [Фролова: 205] с нормами права. С учетом «возможных перспектив растворения теории систематизации законодательства в частно-научных теориях источников права и правотворчества» [Липень: 144] требуется консолидированный подход к развитию теории правового регулирования борьбы с актами ядерного терроризма и теории минимизации их последствий в праве вооруженных конфликтов. Неопределенность в теории права и практике правопонимания международного законодательства способствовала в 2022 г. обстрелу Запорожской атомной электростанции (АЭС) вооруженными сторонниками правящего на Украине режима, представляющими государственные органы.

Исследование взаимосвязи и взаимозависимости государства и права способствует выработке предложений по снижению рисков и угроз безопасности государства, личности, общества и окружающей среды. Решая общие для теории государства и права методологические задачи, теория государства и права «решает и политико-юридические задачи» [Марченко: 51]. Среди политико-юридических задач борьба с актами ядерного терроризма, в которой тесно переплетаются политические и юридические проблемы, занимает особое место.

Отражение американской теории ограниченного удара по АЭС в нападениях на АЭС: правовой анализ. Официальная государственно-правовая идеология выражается в общей концепции правоприменения, вырабатываемой высшими органами государственной власти с привлечением научного сообщества и представителей различных общественно-политических сил. Наиболее серьезные изменения в правоприменительной политике происходят «при существенной трансформации ее концептуальной части» [Малько: 8].

В своей знаменитой работе «Общество риска: на пути к новой современности» Ульрих Бек, стремясь уловить основную динамику конца двадцатого века разработкой концепций, известных как постановка, организованная безответственность и освободительный катастрофизм, привлек общественное внимание к порожденным капиталистической модернизацией антропогенным опасностям. Для демонстрации этих понятий исследователь использовал феномен терроризма. Его теоретическая концепция организованной безответственности применительно к реагированию на обстрелы АЭС в ходе вооруженного конфликта на Украине находит свое подтверждение в правовой оценке ситуации недружественными России странами Запада, в основе которой лежат устоявшиеся в США концептуальные установки.

Обострение оперативной обстановки вокруг ЗАЭС совпало с принятием 8 августа 2022 г. главой военно-гражданской администрации Запорожской области политического решения, юридически оформленного приказом о проведении референдума о воссоединении с Россией. Вопросы правовой оценки на основе международных соглашений опасных действий украинской стороны, связанные с нападениями на АЭС, привлекли внимание политиков и юристов, потребовали осмысления и внесения правовой определенности. В Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН №2 675 (9.12.1970) об «Основных принципах, касающихся защиты гражданского населения во время вооруженного конфликта» звучит призыв к государствам-участникам при проведении военных операций прикладывать все усилия для того, чтобы уберечь гражданское население от разрушительных последствий. Следовательно, использование оружия должно иметь своей «единственной законной целью ослабление военных сил неприятеля» [Савенков: 495].

Безусловно, применительно к обеспечению ядерной безопасности и предотвращению актов ядерного терроризма «реакция правопорядка на выявляемые случаи правовой неопределенности, нарушений прав и охраняемых законом интересов должна быть адекватной, то есть своевременной, основанной на законе, эффективной, соразмерной масштабу выявленной

проблемы в правоприменении и неотвратимой» [Коновалов: 259]. Поэтому для охраны здоровья населения, безопасности окружающей среды, национальной и международной безопасности жизненно важное значение имеет физическая защита ядерных объектов.

Особенностью одного из источников права – основополагающих документов, принятых в ядерной сфере на упреждение и нейтрализацию угроз, – явился невоенный, мирный характер Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма, принятой 13 апреля 2005 г. (далее Конвенция). В Конвенции (ч. 2 ст. 4) определено регулирование международным гуманитарным правом действий вооруженных сил во время вооруженного конфликта. В процессе подготовки проекта поправки к этому международному договору проходили острые дискуссии, касающиеся обсуждения возможности применения норм Конвенции к действиям вооруженных сил иностранных государств. Такой позиции перед принятием Конвенции при обсуждении придерживались ядерные державы. Американские эксперты заявляли, что военнослужащие, нанесящие ущерб ядерным установкам и при этом не опирающиеся на законодательство государства местонахождения установки, подлежали бы тогда ответственности и выдаче согласно ст. 7. Такой подход не устраивал американскую сторону, которая на протяжении десятилетий инициировала вооруженные конфликты, вела и ведет гибридные войны за пределами своей территории. Поэтому ряд стран во главе с США занял позицию исключения действий вооруженных сил из сферы применения Конвенции. В конвенциональном закреплении изложенная позиция была поддержана с учетом российской точки зрения о том, что Конвенция не должна распространять свои требования на военные объекты и не может подменять собой действующие нормы международного гуманитарного права. Отвечающая интересам России формулировка была выдвинута КНР и способствовала достижению общего согласия по данному чувствительному аспекту. В итоговом документе действия вооруженных сил были выведены за сферу применения Конвенции. Подчеркивающая приоритет соблюдения режима ядерной безопасности, Конвенция уравнивает положение об исключении действий вооруженных сил и укрепляет заложенную в ст. 2 правовую основу – уважение суверенитета государства, его полную ответственность за обеспечение физической защиты ядерных материалов и установок на своей территории. Важно иметь в виду, что современные серьезные проблемы в защите объектов атомной энергетики в контексте права воздушной и ракетной войны вытекают как из быстрых темпов развития новых технологий, так и острой необходимости противодействия новым методам ведения войны, внедренным международ-

ным терроризмом. С 11 сентября 2001 г. вооруженный конфликт побудил охватить правом использование угнанного гражданского авиалайнера в качестве оружия (см. Правило 63 (b) Руководства по международному праву, применимому к воздушной и ракетной войне) [HPCR Manual].

Анализ изложенных в общедоступной научной литературе теоретических взглядов ученых Запада приводит автора к выводу, что обстрелы украинской стороной Запорожской АЭС основаны на политических и теоретико-правовых взглядах американского военно-политического руководства. Материалы одного из семинаров по праву наглядно подтверждают этот тезис и демонстрируют различные подходы к решению этой проблемы внутри США и за его пределами. В 1987 г. Американский Красный Крест и Вашингтонский юридический колледж в рамках Программы международных юридических исследований организовали семинар по обычному праву и дополнительным протоколам 1977 года к Женевским конвенциям 1949 г. (далее Протокол I и Протокол II), на котором рассматривалась позиция США через призму этих протоколов в аспектах формирования общего международного права, международного обычного права в отношении ведения военных действий в немеждународных вооруженных конфликтах и в отношении военных действий и защиты гражданского населения в международных вооруженных конфликтах. Профессор права Акронского университета Гамильтон Дессосур (Hamilton Desassure) попросил участника семинара – заместителя юрисконсульта Государственного департамента США Майкла Дж. Мэтисона (Michael J. Matheson) – объяснить очевидное несоответствие между неприятием Соединенными Штатами положений ст. 56 Протокола I и одновременно принятием ст. 15 Протокола II, содержащей аналогичные положения. Мэтисон сообщил, что американские военные теоретики основывают свои возражения на прагматичной оценке развития различных ситуаций. Американские теоретики полагают, что в международных конфликтах может возникнуть множество ситуаций, связанных с необходимостью атак и уничтожения элементов электросети АЭС или гидроэлектростанции. Однако во внутренних конфликтах в США такой потребности в реальности возникнуть не должно. Сохранение военного варианта в международных конфликтах, где атомные станции и иные потенциально опасные объекты могут стать законными военными целями, является, по мнению заместителя юрисконсульта Госдепа США, очень важным для американцев аспектом. В процессе дискуссии профессор Сон (Sohn) поинтересовался у Мэтисона, могли бы США оставить за собой возможность уничтожить атомную электростанцию, когда последствия могут оказаться не толь-

ко локальными, а отразиться, как это показала Чернобыльская катастрофа, на всем мире? Мэтисон пояснил, что применяются другие правила ведения войны, предназначенные для защиты гражданского населения (правила соразмерности, разумных мер предосторожности и заблаговременного предупреждения, управления атаками). Поэтому Соединенные Штаты придерживаются позиции невозможности соглашения с почти полным запретом на такие нападения, содержащимся в ст. 56 Протокола I. В любом случае в ситуациях, когда вооруженные силы США нацеливаются на часть энергосистемы, соединенную с АЭС, им придется учитывать возможные последствия для гражданского населения и стремиться к достижению своей военной цели способами, не оказывающими сильного воздействия на население. Однако, отвечая на вопрос Дитера Флека (Бонн, ФРГ) о разъяснении позиции США, согласно которой общее правило соразмерности в любой конкретной ситуации будет регулировать атаки на атомные электростанции, Мэтисон все же пришел к выводу, что это правило не применяется, когда военные преимущества несоразмерны с риском для гражданского населения. Принцип соразмерности уравнивает требования военной необходимости и гуманности. Это положение нашло подтверждение в правилах Программы гуманитарной политики и исследования конфликтов (HPICR), Руководстве по международному праву, применимому к воздушной и ракетной войне. Обобщающий в правиле 14 принцип соразмерности запрещает нападение, в результате которого возможно причинение побочного ущерба, чрезмерного по отношению к ожидаемым конкретным и прямым военным преимуществам [Wolfrum: 680]. Вооруженные силы не имеют неограниченного права в отношении выбора методов и средств ведения войны. Необходимо во всех обстоятельствах проводить четкое различие между гражданскими и военными объектами. Объект не может быть объектом нападения, если такое нападение может привести к высвобождению опасных сил и, как следствие, большим потерям среди гражданского населения [Kosirnik: 504].

Райан Гудман полагает, важным наследием администраций Дж. Буша и Б. Обамы после 11 сентября в США могут быть решения о возможности нацеливания на определенные виды объектов. Эти решения сильно влияют на успешные действия США в продолжающихся конфликтах и могут стать прецедентами для военных атак. Для достижения цели по уничтожению террористической организации «Исламское государство» (запрещена в России) президент Б. Обама пошел на то, что в юридическом научном сообществе длительное время считалось запретным: нацеливание на средства ведения войны, такие как экономическая инфраструктура, использу-

емая для получения доходов в интересах вооруженных сил противника. Как нам представляется, Р. Гудман, осторожно критикуя этот подход и подчеркивая отсутствие теоретических обоснований для таких решений, деликатно отметил, что академическим дискуссиям еще предстоит столкнуться с убедительными и четкими доказательствами в поддержку точки зрения США на законность таких решений о нацеливании [Goodman: 663].

Материалы обсуждения и интерпретации американским научным сообществом правовых положений ст. 56 Протокола I подтверждают строгую приверженность военно-политического руководства Вооруженными силами Украины теоретических и практических установок американской научной правовой доктрины и взглядов военного командования США при обосновании обстрелов инфраструктуры ЗАЭС, включая хранилища отработавшего ядерного топлива. В устоявшемся американском теоретическом подходе [Frequently asked questions] считается весьма маловероятным событие, что в результате нападения на бассейн выдержки отработавшего топлива или хранилище сухих контейнеров произойдет какой-либо существенный радиоактивный выброс. Ввиду надежности хранилищ отработавшего топлива в случае аналогичного событию 11 сентября 2001 г. террористического акта не возникнет отрицательного воздействия на радиоактивные материалы. В бассейнах с отработавшим топливом и контейнерах для сухого хранения нет легковоспламеняющихся материалов, которые могли бы стать причиной длительных пожаров, в отличие от разрушенных 11 сентября 2001 г. сооружений. Комиссия по ядерному регулированию США (NRC – Nuclear Regulatory Commission) проводит всестороннюю оценку, которая включает рассмотрение потенциальных последствий террористических атак с использованием различных взрывчатых веществ или других методов разрушительного воздействия в отношении бассейнов с отработавшим топливом и контейнеров для сухого хранения. Оценка масштабов загрязнения в результате выброса радиации зависит от типа и степени повреждения бассейна, местонахождения повреждения, близости хранилища к населенным пунктам, метеорологических условий во время события и других факторов. В рамках этой оценки NRC рассматривает необходимость дополнительных требований для повышения безопасности лицензиата и общественной безопасности, пересматривает требования по повышению безопасности отработавшего топлива. Информационной основой NRC для оперативной оценки и координации на предмет выработки возможных ответных мер служит существенный и постоянный поток информации из национального разведывательного сообщества, правоохранительных органов и лицензиатов.

Раскрывая содержание действий вооруженных сил, необходимо остановиться на содержании понятия «нападение». Значение термина «нападение» в Протоколе I не совпадает с обычным значением этого слова. В словарях преобладает идея инициирования боя и нанесения первыми удара. В Кратком Оксфордском словаре этот термин как «нападение с враждебными действиями» точнее отражает значение термина, используемого в Протоколе. Согласно исследованию, проведенному среди членов американского Международного общества военного права и права войны, в целом значение, придаваемое в Протоколе слову «нападение», не вызывает проблем, несмотря на то, что военные инструкции многих стран определяют нападение как наступательный акт, направленный на уничтожение сил противника и завоевание его позиций. Однако определение, применяемое в Протоколе, имеет более широкий смысл, охватывая наступательные и оборонительные, включая «контратаки», действия, поскольку и те и другие могут затронуть гражданское население. В конечном варианте по этой причине было выбрано широкое определение. Термин «атака» означает «боевое действие», что необходимо учитывать при обучении вооруженных сил, которые должны четко понимать, что установленные гуманитарным правом ограничения на применение силы должны соблюдаться обороняющимися и наступающими.

Государства имеют исключение из их обязанности уважать право на жизнь: при определенных обстоятельствах они могут применить смертную казнь в судебном порядке. Ни в том ни в другом случае это не означает, что вооруженные негосударственные субъекты (боевики террористических организаций, частных военных компаний и т. п.) могут пользоваться этими исключениями из своих обязанностей. М. Винер и Э. Клэпэм полагают, что только государства имеют привилегию пользоваться исключениями, изложенными в договорах о правах человека [Wiener, Clapham: 732].

Ядерные отношения имеют характерные черты и связаны со всеми складывающимися в обществе отношениями. Каждому направлению использования атомной энергии соответствует своя группа общественных отношений. Отдельную группу представляют отношения, связанные с физической защитой «ядерных материалов и ядерных установок; предотвращением использования ядерных материалов, оборудования и технологий в военных целях; возмещением ядерного ущерба» [Балюк: 9–14]. Особенно тесно они взаимосвязаны с экологическими, административными, гражданскими, уголовно-правовыми отношениями. Согласно ст. 2 (b) Конвенции 2005 преступным актом ядерного терроризма признаётся умышленное повреждение ядерного объекта, созда-

ющее опасность высвобождения радиоактивного материала с намерением причинить смерть, серьезное увечье, нанести существенный ущерб собственности или окружающей среде. Такие действия обусловлены намерением субъектов ядерного терроризма вынудить государство (международную организацию) совершить какое-либо действие или воздержаться от него. Для закрепления приверженности сторон Конвенции основополагающим принципам международного (мирное урегулирование споров, невмешательство во внутренние дела суверенных государств и др.) положения международного соглашения не могут толковаться как правомерное разрешение применения силы или угрозы ее применения в отношении ядерного материала или ядерных установок, используемых в мирных целях.

Другим важным правовым аспектом рассматриваемой проблемы нападения на АЭС является вопрос обеспечения безопасности гражданского персонала, обслуживающего АЭС, и непосредственно связанную с ней инфраструктуру, а также населения близлежащих городов и населенных пунктов. В Консультативном заключении 1996 г. о законности угрозы ядерным оружием или его применения Международный суд признал «принцип различия» между комбатантами и некомбатантами (гражданскими лицами) как основополагающий и непреложный принцип обычного международного права. Требование проведения различия между комбатантами и гражданскими лицами лежит в основе *jus in bello*, что отражено в ст. 48 Протокола I. В ней, в частности, отмечено, что конфликтующие стороны должны различать гражданское население и комбатантов, гражданские объекты и военные цели. Проведение военных операций возможно только в отношении военных целей. Протокол I кодифицирует и развивает международное гуманитарное право. Протокол I стал первым с 1907 г. договором о методах и средствах ведения войны, защите гражданского населения от ее последствий. Не умаляя положительный с гуманитарной точки зрения вклад Протокола в юриспруденцию при осуществлении военных операций, заметим, что обеспечение стабильности и международной безопасности требует дальнейшего совершенствования теоретических подходов к методам ведения войны в отношении потенциально опасных для безопасности населения и экологии объектов и их правового закрепления в нормах международного и национального права. Решение президента США в январе 1987 г. об инициализации процедуры ратификации явилось результатом ошибочного совета, неверно истолковывавшего гуманитарный и анти-террористический инструмент как инструмент, способный оказать помощь «террористам» [Aldrich].

Согласно применимым в вооруженных конфликтах положений ст. 15 Протокола II, АЭС, если в слу-

чае атаки возможно высвобождение опасных сил и последующих серьезных потерь среди гражданского населения, даже военные объекты не должны подвергаться нападению [Protocol II]. Статьей 56 (1) запрет налагается до события (*ex ante* – лат.).

С учетом изложенного и точек зрения зарубежных юристов рассмотрим правовую оценку сложившейся ситуации вокруг обстрелов ЗАЭС.

К.И. Косачев на основе правового анализа ситуации пришел к выводу, «что систематические нападения на Запорожскую АЭС выбраны ими в качестве метода ведения войны, что запрещено международным правом и общими принципами гуманности, человечности и здравого смысла» [Косачев]. Доцент международного права Школы права и дипломатии Флетчера Т. Данненбаум, исследовавший вопросы террористической стратегии, возмещения ущерба и философские основы наказания за жестокость, совершенную государством, допускает атаки на атомные электростанции [Dannenbaum]. Его трактовка международных норм теоретически обосновывает и принципиально допускает саму возможность обстрела АЭС и поэтому близка к противоположной «проамериканской» точке зрения. Данненбаум полагает, что отсутствие радиоактивной утечки или серьезных потерь среди гражданского населения не исключает незаконности нападения, несмотря на риск таких последствий. По его мнению, преимущество кодификации устраняет двусмысленность, присущую оценкам возможного уменьшения потерь и пропорциональности, заменяя эти расплывчатые принципы ясной и простой презумпцией – нельзя наносить удары по АЭС или военным объектам в районе их расположения. Отклонение от этого предположения допустимо только в случае субъективной уверенности принимающего решение командира, что опасные силы не будут высвобождены или их высвобождение не приведет к большим жертвам среди гражданского населения. В этом случае усиленная защита АЭС не срабатывает. Данненбаум в духе американской доктрины полагает, что станцию или объекты в ее окрестностях можно считать законными целями, хотя любая атака по-прежнему должна соответствовать правилам сомнения, дискриминации, мер предосторожности и соразмерности. Другое основание, по его мнению, для преодоления предполагаемого запрета нанесения ударов по АЭС или военным объектам, расположенным вблизи них, применяется даже в случае соответствия станции критериям повышенной защиты. Это исключение сформулировано применительно к атакам на электростанцию и на военные объекты в ее окрестностях. При определенных условиях специальная защита АЭС, отвечающая вышеизложенным критериям, прекращается (п. 2 (b) ст. 56 Протокола I). Такими условиями являются:

станция обеспечивает электроэнергией регулярную, значительную и непосредственную поддержку военных операций; нападение является единственно возможным способом прекратить такую поддержку. По условиям этого положения не может быть никаких других исключений из усиленных мер защиты, предусмотренных в п. 1 ст. 56. Рассматриваемое исключение является, по мнению Данненбаума, требованием, включающим три основных и один процессуальный критерий. По смыслу статьи АЭС должна осуществлять «непосредственное обеспечение военных действий» электроэнергией. Такое положение требует более тесной связи с военными действиями, чем это указано в общем определении военных объектов. Определение военного объекта согласно ст. 52 (2) Протокола I распространяется только на объекты, вносящие «эффективный вклад в военные действия», независимо от того, является ли этот вклад прямым. Военная цель как объект нападения обосновывается в намерениях противника, отраженных в планах на случай непредвиденных обстоятельств, основанных на худшем варианте развития событий. Когда намерения противника ясны, отнесение объекта по его назначению к военной цели не представляет какой-либо сложности. Однако большинство замыслов противника скрытны, замаскированы, поэтому принятие решения во многом зависит от анализа собранной информации, которая может быть неточной и неполной. В случае сомнения в полноте и достоверности информации при принятии решения о нападении требуется повышенная осторожность.

Критерием «назначения» объекта в качестве военной цели является его фактическое использование. В ст. 52 (2) предписано «цель» сопоставить с характером объекта и его использованием. Автор статьи придерживается мнения, что целевое предназначение объекта является самостоятельным основанием для отнесения его к военному объекту. Цель определяется с учетом первоначального предназначения объекта до его фактического применения. В частности, целью и предназначением АЭС является производство электроэнергии, что с самого начала прямо не отражается на цели ее возможного военного предназначения. В противном случае цель была бы военной. Военное предназначение АЭС может вытекать и из установленного намерения воюющей стороны в отношении будущего использования АЭС. В официальном комментарии Международного комитета Красного Креста (Комментарий МККК) сказано, что критерий цели связан с предполагаемым использованием объекта в будущем, тогда как критерий использования связан с его текущей функцией. Красной нитью, проходящей через международное гуманитарное право, и основным его принципом является защита гражданских лиц и гражданских объектов

Автор разделяет теоретическое положение, что определение объекта в качестве военного не всегда может являться решающим фактором для легитимации нападения. Положения ст. 56 (1) Протокола нужно трактовать расширительно: ни при каких условиях АЭС не должны становиться объектом нападения, даже если они являются военными объектами. Запрещающим условием признается нападение, способное вызвать высвобождение опасных сил. Последствиями такого высвобождения могут быть большие потери среди мирного населения. Кроме того, другие военные объекты и установки, расположенные на этих объектах или поблизости от них, не должны становиться целями для нападения, если такое нападение может вызвать высвобождение опасных сил и следующие большие потери среди гражданского населения. При этом учитывается, что специальная защита согласно ст. 56 (2) Протокола I в принципе не является безусловной. Защита прекращается, когда АЭС регулярно, существенно и непосредственно поддерживает боевые действия, и другого способа прекращения такой поддержки не существует. Женевские конвенции запрещают нападения, кроме нападений на военные объекты, которые не защищены как таковые – могут быть незаконными в силу принципа соразмерности. Согласно этому принципу, сопутствующий ущерб или ранение гражданских лиц (или разрушение объектов) не должны быть чрезмерными. Термин «атака» в ст. 49 (1) Протокола I или II определяется как акты насилия против противника в нападении или обороне. Любой акт насилия соответствует этому подходу, а не только массированным воздушным атакам или артиллерийским обстрелам.

Актуален вопрос о допустимости нападения на гражданских лиц – персонала, обслуживающего АЭС, и населения близлежащих моногородов. Анализ показывает, что эта норма учитывается тогда, когда действие является единственным каузальным шагом от возможности причинения вреда противнику. Интерпретируемый в этом свете, по мнению специалистов Международного Комитета Красного Креста (МККК), порог было бы очень трудно соблюсти. В частности, можно оспаривать положение о том, будет ли подача электроэнергии в общую сеть с объединенными генерирующими мощностями, из которой затем вооруженные силы получают необходимые мощности, являться прямой поддержкой военных операций (п. 2165). Очевидно, электроснабжение должно «приносить пользу самим военным операциям, а не только промежуточным целям, которые сами были бы связаны с такими операциями. Даже АЭС, поставляющая электроэнергию промышленным предприятиям оборонной промышленности, может быть сочтена «спорной» целью на том основании, что непосредственно ведение войны в таком случае обеспе-

чивает промышленность, а не электростанция. Кроме того, поддержка военных операций должна быть регулярной. Этому критерию не удовлетворяли бы нерегулярное использование либо применение в качестве резервного источника в интересах вооруженных сил. Комментарий МККК [Cameron, Demeuere, Henckaerts] предполагает наличие некоторой «преемственности в использовании или, по крайней мере, определенного ритма» (п. 2162). Наконец, по существенным критериям поддержка или вклад в военные операции должны быть значительными, то есть иметь «реальное и эффективное влияние» (п. 2162). Даже при наличии всех вышеуказанных существенных критериев атаку нельзя осуществлять при наличии возможности использовать какой-либо альтернативный способ прекращения этой поддержки. Одним из очевидных альтернативных способов в дополнение к предупреждениям и просьбам о прекращении электроснабжения атомной электростанции было бы нацеливание на главные электрические цепи или трансформаторные подстанции на расстоянии от станции, достаточном для устранения риска высвобождения опасных сил, содержащихся в них (п. 2166). Подобные удары наносились вооруженными силами Украины по инфраструктуре ЗАЭС.

Схожий подход к военным объектам на АЭС или вблизи нее заключен в § 2 (с) ст. 56. Такие объекты могут быть атакованы в случае их использования для военных операций. Условиями такой поддержки является регулярность, существенность и непосредственность. Обязательным является соблюдение условия о возможности прекращения такой поддержки единственно возможным способом – атакой. Существенная особенность заключается в распространении исключения на поддержку, не связанную с обеспечением электроэнергией. Материальные и процессуальные критерии не изменяются. Несмотря на правовую допустимость нападения на АЭС в соответствии с исключительным разрешением, предусмотренным в Протоколе I, разъясняется, что установки, возведенные с целью защиты охраняемых работ или установок от нападения, не должны становиться объектом нападения «при условии, что они не используются в военных действиях» (п. 2 (с), п. 5 ст. 56 Протокола I). Исключениями определены оборонительные действия, необходимые для реагирования на нападения на охраняемые сооружения или установки. При этом их вооружение ограничивается оружием, способным лишь отражать враждебные действия против защищаемых сооружений. Поэтому было предложено исключить военные объекты, регулируемые § 5, из положения, сформулированного в п. 2 (с). В этом случае возникает противоречие содержанию п. 2 (с), в котором указывается исключительный контекст возможности нанесения ударов только по расположенным на АЭС

или рядом с ней военным объектам. Вместо этого п. 5 регулирует пассивные меры предосторожности и исключения из них. Он дополняет запрет в п. 2 (с) утверждением: ничто в этом положении не предполагает, что оно предназначено для создания исключения из этого запрета.

В соответствии с п. 3 ст. 56 важно подчеркнуть, что применение этой правовой нормы не заменяет кумулятивные требования дискриминации мер предосторожности и соразмерности для сдерживания нападения, даже если оно не исключается положениями ст. 56.

По мнению некоторых западных исследователей, в российской версии правовой оценки ситуации взятия под контроль в марте 2022 г. атомной электростанции в ходе специальной военной операции почти не делается попыток сформулировать операцию в конкретных условиях исключений согласно ст. 56. Вместо этого в объяснении действий по взятию под контроль ЗАЭС 4 марта 2022 г. акцентируется внимание на обеспечении безопасности атомной станции. Доминирование содержательного подхода над формально юридическим, но не игнорирование последнего, безусловно, в сложившейся ситуации могло быть оправдано.

В дополнение к правилам, ограничивающим нападения на военные объекты, п. 5 ст. 56 устанавливает пассивные меры предосторожности, связанные с расположением военных объектов вблизи таких объектов. Конфликтующие стороны должны стремиться избегать размещения военных объектов поблизости, за исключением оборонительных сооружений, какими в рассматриваемом случае с нападениями на ЗАЭС, на наш взгляд, являются сооружения сил и средств вооруженной охраны Росгвардии.

Косвенное подтвержденное инспекторами МАГАТЭ утверждение России о том, что АЭС подверглась сильному обстрелу вблизи электростанции, может свидетельствовать о нарушении ст. 56 (5) со стороны ВСУ – инициатора обстрелов. Оборонительные сооружения, используемые для обороны, не могут быть объектом нападения. Однако несоблюдение украинской стороной требования ст. 56 (5) не отменяет принятие Росгвардией мер защиты, предоставляемой любым военным объектам вблизи электростанции с учетом существования в § 2 (с) исключительных условий, при которых такие цели могут быть объектом нападения.

Следует подчеркнуть, что военные объекты, которые не являются оборонительными, не должны располагаться вблизи электростанции. Они также не могут быть объектом нападения, за исключением случаев, разрешенных положениями статьи 2 (с). Уточнение в п. 4 ст. 56 подтверждает запрещение делать какие-либо сооружения или военные объекты,

упомянутые в п. 1, объектом репрессалий. Сам факт нарушения одной из противоборствующих сторон требований пункта 5 не допускает нарушения п. 2 (с) как механизма правоприменения. Такой вывод корреспондирует с общим положением ст. 51 (8) Протокола I о защите гражданского населения.

Как показывают события, связанные с обстрелами Запорожской АЭС, существует настоятельная необходимость определения и закрепления более четкой правовой позиции в международном и национальном законодательстве государств в отношении недопустимости нападений на АЭС.

Анализ показывает, что критерий для военного преступления, указанный в виде серьезных нарушений Протокола I, – более жесткий по сравнению с основным положением. В ст. 85 (3) (с) это правонарушение определяется как нападение на работы или установки, содержащие опасные силы, зная, что такое нападение приведет к чрезмерным человеческим жертвам, ранениям среди гражданского населения или повреждению гражданских объектов, как это определено в ст. 57, п. 2 (а) (iii). Согласно положениям вводной части, нападение достигнет уровня серьезного нарушения в случае его умышленного совершения в нарушение соответствующих положений Протокола I и если оно повлекло смерть человека или серьезные телесные повреждения.

Выводы и предложения:

1. Концептуальные подходы политических и государственно-правовых кругов США способствуют признанию допустимости актов ядерного терроризма (в социально-политическом и правовом аспектах) в вооруженных конфликтах немеждународного характера.

Прецедент координации Украиной нападений на атомные электростанции с использованием поддержки некоторых западных государств в духе доктринальных политико-правовых и государственно-правовых взглядов правящих кругов США ставит задачу совершенствования международного и национального права применительно к ситуации субсидиарной юридической ответственности субъектов права, принимающих решения в разрез интересов обеспечения мира и международной безопасности.

2. Специальная военная операция российских Вооруженных сил на Украине обнажила новые риски масштабных радиологических последствий вследствие обстрела тяжелым артиллерийским и ракетным вооружением инфраструктуры Запорожской АЭС, что требует разработки теоретических правовых положений для подготовки и инициализации международного соглашения о принципиальном запрете всех вооруженных нападений и атак на ядерные реакторы и обеспечивающую их инфраструктуру с использованием любых средств поражения.

3. Предлагается отнесение актов ядерного терроризма, представляющих собой использование средств воздействия на ядерно и радиационно опасные объекты и природную среду, в условиях вооруженных конфликтов с обоснованно предполагаемыми масштабными и серьезными долгосрочными последствиями в качестве способов нанесения ущерба или причинения вреда одному или нескольким государствам должны подпадать под юрисдикцию Международного уголовного суда как международные преступления.

4. Современное развитие международного и соответствующего ему национального гуманитарного права требует теоретического обоснования с государственно-правовых позиций учета новых технологий и их влияния на ведение боевых действий в борьбе с терроризмом и в вооруженных конфликтах при обсуждении, выработке и применении специальных договорных норм.

Список литературы

Балюк Г.И. Ядерное право Украины: современное состояние и перспективы развития // Энергетическое право. 2008. № 2. С. 9–14.

Кичигин Н.В. Эколого-правовые риски как универсальный критерий оценки экологического законодательства // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 3. С. 138–151.

Коновалов А.В. Принципы права: монография. Москва: Норма, 2022. 792 с.

Косачев К. Telegram, 13:42. 2022. 6 авг. URL: <https://t.me/s/Kosachev62> (дата обращения: 02.02.2023).

Липень С.В. Трансформация теории систематизации законодательства в эпоху цифровизации права. Lex russica. 2022. Т. 75, № 2. С. 132–147.

Малько А.В., Рудковский В.А. Правоприменительная политика: понятие, содержание, назначение // Правоприменение. 2017. Т. 1, № 3. С. 5–14.

Марченко М.Н. Системное познание и системный характер государства Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2018. № 1. С. 74–85.

Савенков А.Н. Государство и право: Права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права: монография: в 3 т. Т. 1. Москва: Наука, 2021. 608 с.

Сырых В.М. Теория государства и права: учебник для вузов. Москва: Юстицинформ, 2006. 704 с.

Фролова М.И. Человек в гуманистической философии XX века: проблемы существования и перспективы развития. Москва: Ленанд, 2022. 256 с.

Aldrich G. Prospects for United States Ratification of Additional Protocol I to the 1949 Geneva Conventions. American Journal of International Law, 1991, 85 (1), 1-20. <https://doi.org/10.2307/2203556>

Dannenbaum T. A Special Tribunal for the Crime of Aggression? Journal of International Criminal Justice, 2022 (September), vol. 20, iss. 4, pp. 859-873. URL: <https://doi.org/10.1093/jicj/mqac047> (date access: 21.09.2022).

Frequently asked questions about NRC's Response to September 11, 2001 <https://www.nrc.gov/security/faq-911.html#3> (date access: 21.09.2022).

Cameron L., Demeyere B., Henckaerts J.-M., Haye Eve La, Niebergall-Lackner H. The Updated Commentary on the First Geneva Convention – A New Tool for Generating Respect for International Humanitarian Law INT'L L. STUD. 157, 2017, vol. 93, URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1701&context=ils> (date access: 02.03.2023).

Goodman R. The Obama Administration and the Targeting of 'War-Supporting' Targets in Non-International Armed Conflicts. American Journal of International Law, 2016, 110, pp. 663-679.

HPCR Manual on International Law Applicable to Air and Missile Warfare Cambridge University Press. 2013 (September). URL: https://assets.cambridge.org/97811070/34198/frontmatter/9781107034198_frontmatter.pdf (date access: 13.03.2023).

Kosirnik Rene. The 1977 Protocols: A Milestone in the Development of International Humanitarian Law. International Review of the Red Cross 320, 1997, pp. 483-505.

National Research Council. Making the Nation Safer: The Role of Science and Technology in Countering Terrorism. Washington, DC, The National Academies Press, 2002, pp. 440. <https://doi.org/10.17226/10415> (date access: 13.03.2023).

Watkin K. Controlling the Use of Force: A Role for Human Rights Norms in Contemporary Armed. The American Journal of International Law, 2004, vol. 98, № 1, pp. 1-34.

Wolfrum R. Distinguished Essay: Proportionality: Reconsidering the Application of an Established Principle in International Law. International Law Studies INT'L L. STUD, 2022, vol. 99, pp. 676-697.

Wiener M., Clapham A. Human Rights of Conscientious Objectors vis-à-vis Armed Non-State Actors and De Facto. INT'L L. STUD, 2022, vol. 99, pp. 731-772.

References

Balyuk G.I. *YAdernoie pravo Ukrainy: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Nuclear law of Ukraine: current state and development prospects]. Energeticheskoe pravo [Energy law], 2008, No. 2, pp. 9-14. (In Russ.)

Frolova M.I. *CHelovek v gumanisticheskoy filosofii XX veka: problemy sushchestvovaniya i perspektivy razvitiya* [Man in the humanistic philosophy of the 20th cen-

tury: problems of existence and development prospects]. Moscow, Lenand Publ., 2022, 256 p. (In Russ.)

Kichigin N.V. *Ekologo-pravovye riski kak universal'nyj kriterij ocenki ekologicheskogo zakonodatel'stva* [Ecological and legal risks as a universal criterion for evaluating environmental legislation]. Zhurnal Rossijskogo prava [Journal of Russian law], 2021, vol. 25, No. 3, pp. 138-151. (In Russ.)

Kononov A.V. *Principy prava* [Principles of law]: monograph. Moscow, Norma Publ., 2022, 792 p. (In Russ.)

Kosachev K. Telegram, 13:42, 2022, August 6. URL: <https://t.me/s/Kosachev62> (access date: 02.02.2023). (In Russ.)

Lipen S.V. *Transformaciya teorii sistematizacii zakonodatel'stva v epohu cifrovizacii prava* [Transformation of the theory of systematization of legislation in the era of digitalization of law]. Lex russica, 2022, vol. 75, No. 2, pp. 132-147. (In Russ.)

Malko A.V., Rudkovsky V.A. *Pravoprimenitel'naya politika: ponyatie, sodержание, naznachenie* [Law enforcement policy: concept, content, purpose]. Pravoprimerenie [Law enforcement], 2017, vol. 1, No. 3, pp. 5-14. (In Russ.)

Marchenko M.N. *Sistemnoe poznanie i sistemnyj karakter gosudarstva* [Systemic knowledge and systemic nature of the state]. Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 11: Right, 2018, No. 1, pp. 74-85. (In Russ.)

Savenkov A.N. *Gosudarstvo i pravo: Prava cheloveka i mirovoj poryadok, osnovannyj na verhovenstve prava* [State and Law: Human Rights and the World Order Based on the Rule of Law]: monograph: in 3 vols. Vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 2021, 608 p. (In Russ.)

Syrykh V.M. *Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnyk dlya vuzov* [Theory of State and Law: A Textbook for High Schools]. Yustitsinform Publ., 2006, 704 p. (In Russ.)

Aldrich G. Prospects for United States Ratification of Additional Protocol I to the 1949 Geneva Conventions. American Journal of International Law, 1991, 85 (1), 1-20. <https://doi.org/10.2307/2203556>

Dannenbaum T. A Special Tribunal for the Crime of Aggression? Journal of International Criminal Justice, 2022 (September), vol. 20, iss. 4, pp. 859-873. URL: <https://doi.org/10.1093/jicj/mqac047> (date access: 21.09.2022).

Frequently asked questions about NRC's Response to September 11, 2001 <https://www.nrc.gov/security/faq-911.html#3> (дата обращения: 21.09.2022).

Cameron L., Demeyere B., Henckaerts J.-M., Haye E, La, Niebergall-Lackner H. The Updated Commentary on the First Geneva Convention – A New Tool for Generating Respect for International Humanitarian Law INT'L L. STUD. 157, 2017, vol. 93, URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1701&context=ils> (date access: 02.03.2023).

Goodman R. The Obama Administration and the Targeting of 'War-Supporting' Targets in Non-International Armed Conflicts. American Journal of International Law, 2016, 110, pp. 663-679.

HPCR Manual on International Law Applicable to Air and Missile Warfare Cambridge University Press. 2013 (September). URL: https://assets.cambridge.org/97811070/34198/frontmatter/9781107034198_frontmatter.pdf. (date access: 13.03.2023).

Kosirnik Rene. The 1977 Protocols: A Milestone in the Development of International Humanitarian Law. International Review of the Red Cross 320, 1997, pp. 483-505.

National Research Council. Making the Nation Safer: The Role of Science and Technology in Countering Terrorism. Washington, DC, The National Academies Press, 2002, pp. 440. <https://doi.org/10.17226/10415>. (date access: 13.03.2023).

Watkin K. Controlling the Use of Force: A Role for Human Rights Norms in Contemporary Armed. The American Journal of International Law, 2004, vol. 98, № 1, pp. 1-34.

Wolfrum R. Distinguished Essay: Proportionality: Reconsidering the Application of an Established Principle in International Law. International Law Studies INT'L L. STUD, 2022, vol. 99, pp. 676-697.

Wiener M., Clapham A. Human Rights of Conscientious Objectors vis-à-vis Armed Non-State Actors and De Facto. INT'L L. STUD, 2022, vol. 99, pp. 731-772.

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 13.03.2023; принята к публикации 13.03.2023.

The article was submitted 15.02.2023; approved after reviewing 13.03.2023; accepted for publication 13.03.2023.